

Связав незваного гостя, который был уже готов разрыдаться, Ли Аньцин позвонил в полицию. Пока они ждали приезда патруля, он подошел к Ли Сяньфу и, наклонившись, заставил его посмотреть себе в глаза:

— Ты действительно пьян или только притворяешься?

Не успел он договорить, как плечи Ли Сяньфу вздрогнули:

— Мне что-то нехорошо.

И тут же, без всякого предупреждения, он вцепился в брата, и его сильно замутило.

Лицо Ли Аньцина редкостно помрачнело.

...Теперь можно было не сомневаться: пьян он был по-настоящему.

Первым прибыл вовсе не наряд полиции, а Цинь Цзинь. Когда судья сообщил ему, что нужно пойти вслед за Ю Фаном к окраине деревни, но Ю Фана там не оказалось, Цинь Цзинь почуял неладное и поспешил проверить, всё ли в порядке у Ли Сяньфу.

Ли Аньцин выпрямился:

— Вовремя же ты.

Явись он хоть на полминуты раньше, и пьяные позывы достались бы кому-то другому.

Полвторого ночи. Полицейский участок.

Дежурный полицейский со сложным выражением лица записывал показания. Его взгляд, устремленный на Ли Сяньфу, так и лучился недоумением: «Почему ты? Почему опять ты?»

Цинь Цзиню пришлось заняться другими делами, поэтому он не поехал в участок. Зато вызвался сопровождать их иностранный судья — в роли благородного спасителя. Он без умолку говорил, указывая на задержанного Ю Фана: твердил, что тот вел себя странно еще во время поездки, а накануне намеренно спаивал участников конкурса.

Ю Фан за всё это время не проронил ни слова. Он внезапно осознал, что оказался втянут в какой-то грандиозный заговор.

Когда-то он подавал надежды, но пристрастился к азартным играм и влез в огромные долги. Ю Фан надеялся попытать счастья и побороться за гран-при конкурса, но вылетел в первом же туре. Оказавшись в безвыходном положении, он внезапно получил предложение, которое сулило спасение. Разве мог он устоять?

Когда полицейский показал ему фотографию взломщика, проникшего в дом, Ю Фан едва не расплакался:

— Я даже не знаю, он ли это. Мы общались только по СМС.

Оправдание звучало крайне неубедительно. Полицейский с силой хлопнул по столу:

— Из-за какого-то сообщения от неизвестного отправителя ты решился на соучастие в похищении?

Ю Фан поспешно зачастил:

— Одним вечером я услышал стук в дверь. Вышел — никого, а на пороге лежит сумка...

Голос его становился всё тише, пока не перешел в едва различимый шепот:

— ...Внутри было двести тысяч наличными и мобильный телефон.

— И где деньги?

Пока Ю Фан рассказывал, где спрятал деньги, Ли Сянфу вдруг резко подскочил:

— А где этот... похититель девичьей чести?

У полицейского дернулось веко. Посмотрев на Ли Аньцина, он вздохнул:

— Забирай его отсюда, пусть сначала протрезвеет.

Страж порядка мысленно поразился везению этого парня: надо же, даже устраивая пьяный дебош, он ухитрился избежать беды.

Ли Сянфу перестал покачиваться и ткнул пальцем в сторону Ю Фана:

— А он почему не идет?

Ли Аньцин сухо ответил:

— Его, скорее всего, закроют очень надолго.

Ли Сянфу погрозил Ю Фану пальцем:

— Эх ты... Совсем не умеешь себя беречь...

Ю Фан почувствовал металлический привкус во рту. Он впервые на своей шкуре понял, что значит выражение «чуть не захлебнуться кровью от ярости».

В Древней деревне Тяньси снова закипела жизнь.

Несколько лет назад провинциальный телеканал уже пытался снять передачу об этой глуши, но рейтинги оказались столь плачевными, что проект закрыли, заменив его развлекательным шоу. Теперь же, благодаря одному туристу, журналисты вернулись сюда снова.

Журналистка с микрофоном стояла перед домом хозяина и вещала на камеру:

— Вы еще помните господина Ли — наследника нематериального культурного наследия, которого едва не похитили ради принудительного просмотра стриптиза? Буквально вчера он снова стал жертвой дерзкого покушения на похищение...

На этот раз Ли Сянфу наотрез отказался от интервью. Однако журналисты не растерялись и принялись расспрашивать всех причастных: хозяина дома, полицейских и самих подозреваемых.

Изюминкой репортажа стало интервью с задержанным на месте преступления взломщиком.

Голос журналистки дрожал от сдерживаемого восторга:

— Всё верно! Как вы можете видеть, если предыдущий похититель угодил в больницу с вывихом руки, то нынешний злоумышленник тоже госпитализирован с травмами конечностей...

Боль в пальцах — штука невыносимая. Мужчина до сих пор помнил, как вчера из его ладоней вытаскивали осколки стекла. Зажатый полицейскими, он отчаянно вытягивал шею к микрофону и осыпал камеру отборной бранью:

— Да я за всю свою гребаную жизнь такого дебила не встречал! Напился в стельку, но не поленился усыпать подоконник битым стеклом! Твою ж мать!..

Поток нецензурной лексики лился рекой, и журналистка с трудом удерживала на лице профессиональную улыбку, мысленно сочувствуя монтажерам, которым придется всё это запикивать.

...

Еще на рассвете Ассоциация художников утвердила результаты голосования, единогласно согласившись с решением жюри.

Выйдя вперед, судья Чжао объявил:

— Давайте горячо поздравим Ли Сянфу!

Раздались жидкие, нерешительные хлопки. Вовсе не потому, что другие участники были завистливы, просто все они пребывали в шоке от утренних новостей. Им доводилось бывать на самых разных конкурсах, но с таким сценарием, где каждый день кто-то из соперников «выбывает» с переломами или ранениями, они столкнулись впервые.

Впрочем, Ли Сянфу, похоже, мало заботило чужое смятение. Он вежливо поднялся, поклонился в знак благодарности за признание и поддержку, а затем предложил сделать общую фотографию на память.

Отправив этот снимок Ли Аньцину, Ли Сянфу обвел кружком лицо судьи Фана и приписал, что этот господин надеялся склонить его к близости.

Ни о чем не подозревая, судья Чжао при всех еще раз выразил восхищение работой Ли Сянфу, который стоял рядом с кроткой улыбкой. Лишь ближе к обеду судья объявил:

— Прошу всех собрать вещи. В четыре часа дня за нами приедет автобус и отвезет в город. Наш поезд отправляется в половину десятого вечера.

Обедать Ли Сянфу не пошел. Ли Аньцин куда-то запропастился, поэтому Ли Сянфу решил расспросить о вчерашних событиях Цинь Цзиня.

— Похищение — дело серьезное, полиция еще свяжется с тобой, — произнес Цинь Цзинь.

Ли Сянфу вздохнул:

— Они уже звонили утром. Сказали, что целью было надругательство. При проверке выяснилось, что у подозреваемого действительно есть судимость, при этом семья у него обеспеченная. Все детали сходятся.

Вот только всё это выглядело слишком гладко, что и вызывало подозрения.

Цинь Цзинь протянул ему чашку чая. Заметив, как Ли Сянфу пригубил напиток и едва заметно поморщился, он спросил:

— Не любишь черный чай?

Ли Сянфу ответил честно:

— Заварен посредственно. Нарушен температурный режим и время выдержки, отчего чай потерял весь свой аромат.

Сделав еще глоток, он добавил:

— Как-нибудь я сам угощу тебя хорошим чаем.

В глубине глаз Цинь Цзиня на мгновение промелькнула улыбка, но он тут же вернул себе прежний бесстрастный вид и прямо рассказал о ловушке, которую устроил.

Рука Ли Сянфу дрогнула, и пара капель чая выплеснулась на стол. Опустив ресницы, так что невозможно было разглядеть его эмоций, он спросил:

— Значит, ты с самого начала вел свою игру?

— Цветок кактуса недвусмысленно указывал на Древнюю деревню Тяньси. У отправителя посылки наверняка был план выманить тебя сюда, я лишь немного ускорил события.

— А то, что ты показал мне семейное фото...

— Чтобы ты знал ее в лицо, — Цинь Цзинь поднялся и подошел к окну. — Если Цинь Цзяюй жива, было бы нелепо встретить ее лицом к лицу и даже не узнать.

Вспомнив слова Ли Аньцина о том, что для него приготовили иную роль, Ли Сянфу затаил дыхание:

— Выходит, я наживка, на которую ты ловишь свою сестру?

Цинь Цзинь покачал головой:

— Это взаимовыгодное соглашение. Для тебя это способ выявить скрытую угрозу, для меня — возможность развеять сомнения.

Взвесив все за и против, Ли Сянфу вынужден был признать его правоту. Немного подумав, он спросил:

— Вы же близкие люди. Если она жива, почему не придет к тебе открыто?

Зачем в цивилизованном обществе прятаться в тени и строить козни?

Цинь Цзинь слегка приподнял голову. В его глазах отражалась синева неба. Равнодушно пожав плечами, он ответил:

— Без понятия. Может, головой сильно ударилась, когда падала.

«...» — Ли Сяньфу почувствовал, что этот камень был брошен и в его огород.

Сглотнув, он вернулся к реальности и предложил:

— Я могу подыграть еще раз, чтобы выманить змею из норы.

Цинь Цзинь не ответил сразу. В комнате воцарилась глубокая тишина.

Звукоизоляция в гостевом доме оставляла желать лучшего. Снизу сквозь половицы доносились звуки телевизора — хозяин смотрел репортаж, в котором задержанный всюду надрывал глотку:

— Мне три шва наложили, пострадавший здесь я! Чертовы ублюдки...

Ли Сяньфу неловко кашлянул, пытаясь заглушить орущий внизу телевизор.

В этот момент Цинь Цзинь повернулся к нему:

— У первых нападавших — вывих, второму наложили швы. Не исключено, что следующего просто отправят на тот свет.

— На тот свет?

— Превышение пределов самообороны, повлекшее за собой тяжкие телесные повреждения или смерть, — пояснил Цинь Цзинь.

Снизу всё еще доносились крики подозреваемого, требующего адвоката. Ли Сяньфу криво усмехнулся и, чтобы разрядить неловкую обстановку, ушел к себе собирать вещи.

Он складывал одежду медленнее обычного, явно думая совсем о другом.

Разглаживая складки на воротнике рубашки, Ли Сяньфу мысленно прокручивал их разговор. Единственной целью приезда Цинь Цзиня было выяснить, жива ли Цинь Цзяюй, и, судя по его поведению, он уже сделал для себя определенные выводы.

В это время Ли Шаша уже должен был вернуться из школы. Немного подумав, Ли Сяньфу набрал домашний номер.

— Ты звонишь так часто. Папа, я и не знал, что ты настолько привязан к дому, — Ли Шаша недовольно покосился на свой школьный ранец, не упуская случая выразить протест. — Вообще-то я тоже сейчас очень привязан к дому и с удовольствием перешел бы на домашнее обучение.

Проигнорировав его нытье, Ли Сяньфу деловито произнес:

— Сходи в мою комнату и на чердак, где лежит всякий хлам. Посмотри, нет ли там чего-нибудь, связанного с Цинь Цзяюй.

Услышав короткое «ладно» на том конце провода, Ли Сяньфу повесил трубку и вернулся к сборам.